

АРТЕМ ДРАБКИН

ТАНКИСТЫ

*«Мы погибли,
сгорали...»*

Артем Драбкин

**Танкисты. «Мы
погибали, сгорали...»**

«Яуза»

2012

Драбкин А. В.

Танкисты. «Мы погибали, сгорали...» / А. В. Драбкин — «Яуза», 2012

ISBN 978-5-699-52016-9

НОВАЯ СЕРИЯ ведущего военного историка. Краткий курс Великой Отечественной, взятый за основу популярного телесериала. Продолжение супербестселлера «Я дрался на Т-34». Легендарная «тридцатьчетверка» недаром стала главным символом Победы и, вознесенная на пьедестал, стоит в качестве памятника Освобождению по всей России и половине Европы. Что в первую очередь вспоминали ветераны Вермахта, говоря об ужасах Восточного фронта? Армады советских танков. Кто вынес на своих плечах основную тяжесть войны, заплатил за Победу самую высокую цену и умер самой страшной смертью? По признанию фронтовиков: «К танкистам особое отношение – гибли они страшно. Если танк подбивали, а подбивали их часто, это была верная смерть: одному-двум, может, еще и удавалось выбраться, остальные сгорали заживо». А сами танкисты на вопрос, почему у них не бывало «военно-полевых романов», отвечают просто и жутко: «Мы же погибали, сгорали...» Эта книга дает возможность увидеть войну глазами танковых экипажей – через прицел наводчика, приоткрытый люк механика-водителя, командирскую панораму, – как они жили на передовой и в резерве, на поле боя и в редкие минуты отдыха, как воевали, умирали и побеждали.

ISBN 978-5-699-52016-9

© Драбкин А. В., 2012

© Яуза, 2012

Содержание

«Броня крепка, и танки наши быстры...»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Артем Драбкин

Танкисты. «Мы погибали, сгорали...»

«Броня крепка, и танки наши быстры...»

В 30-е годы военные пользовались в СССР огромной популярностью. Причин тому было несколько. Во-первых, Красная Армия, ее солдаты и офицеры символизировали мощь относительно молодого советского государства, буквально за несколько лет превратившегося из разоренной войнами, нищей аграрной страны в индустриальную державу, способную, как казалось, постоять за себя. Во-вторых, это был один из наиболее обеспеченных слоев населения. Например, инструктор авиационного училища, кроме полного содержания (обмундирование, обеды в столовой, транспорт, общежитие или деньги на аренду жилья), получал очень высокую зарплату – около семисот рублей (буханка белого хлеба стоила один рубль семьдесят копеек, а килограмм говядины первого сорта – двенадцать рублей). А ведь в стране карточную систему распределения продовольствия отменили только в конце 30-х годов. Трудно было купить более или менее приличную одежду. Зимой люди носили перелицованную, то есть переделанную из старой, еще дореволюционной, одежду, летом шеголяли в старой красноармейской форме или надевали полотняные брюки и парусиновые туфли. В городах жили скученно – по пятьдесят семей в бывших барских квартирах, а новое жилье почти не строилось. Кроме этого, для выходцев из крестьянской среды служба в армии давала шанс повысить свое образование, овладеть новой специальностью. Вспоминает командир танка лейтенант Александр Сергеевич Бурцев: «Каждый из нас мечтал служить в армии. Я помню, после трех лет службы из армии возвращались другими людьми. Уходил деревенский лопух, а возвращался грамотный, культурный человек, отлично одетый, в гимнастерке, в брюках, сапогах, физически окрепший. Он мог работать с техникой, руководить. Когда из армии приходил служивый, так их называли, вся деревня собиралась. Семья гордилась тем, что он служил в армии, что стал таким человеком. Вот что давала армия».

На этом фоне легко воспринималась пропаганда о непобедимости Красной Армии. Люди искренне верили, что «врага будем бить малой кровью на чужой территории». Грядущая новая война – война моторов создавала и новые пропагандистские образы. Если десять лет назад каждый мальчишка представлял себя верхом на коне с шашкой в руке, мчащимся в стремительной кавалерийской атаке, то к концу 30-х годов этот романтический образ был навсегда вытеснен летчиками-истребителями, сидящими в скоростных монопланах, и танкистами, управляющими грозными приземистыми боевыми машинами. Надо сказать, что первое бронетанковое соединение – механизированная бригада была создана в СССР в 1930 году, а уже к середине 30-х их было несколько десятков. В августе 1938 года механизированные бригады, имевшие на вооружении танки «БТ» и «Т-26», стали именоваться легкотанковыми, а бригады, получившие на укомплектование танки «Т-28» и «Т-35», стали называться тяжелыми танковыми бригадами. Соответственно были переименованы в танковые и механизированные корпуса.

«Т-26» на маневрах Киевского особого военного округа. 1935 год

Пилотировать истребитель или расстреливать врага из танковой пушки в будущей неизбежной войне было мечтой тысяч советских ребят. «Ребята, айда в танкисты! Почетно же! Едешь, вся страна под тобой! А ты – на коне железном!» – вспоминает командир взвода, лейтенант Николай Яковлевич Железнов.

Атака

Летчики и танкисты даже внешне отличались от основной массы военных. Летчики носили униформу синего цвета, а танкисты – серо-стального, так что их появление на улицах городов и поселков не оставалось незамеченным. Они выделялись не только красивой униформой, но и обилием орденов, в то время бывших огромной редкостью, потому что были активными участниками многих «малых войн», к которым СССР имел тайное или явное отношение.

Немецкий танк Pz III проезжает мимо горящего «БТ-5»

Их прославляли в фильмах – таких, как «Горячие денечки», «Если завтра война», «Истребители», «Эскадрилья номер пять», и других. Романтичные образы танкистов и летчиков создавали такие суперзвезды советского кино, как Николай Крючков, Николай Симонов. Крючков в «Трактористах» играет демобилизовавшегося танкиста, для которого «на гражданке» открыты любые дороги. Ключевой момент фильма – рассказ его героя, Клима Яркого, колхозникам о скорости и мощи танков. Картина завершается сценой свадьбы танкиста и лучшей девушки колхоза. В финале вся свадьба поет популярнейшую песню тех времен «Броня крепка, и танки наши быстры». «Горячие денечки» рассказывают о танковом экипаже, остановившемся для ремонта в деревне. Главный герой – командир экипажа. Он – бывший пастух. Только служба в армии открыла перед ним широкие перспективы. Теперь его любят самые красивые девушки, на нем роскошная кожаная куртка (до середины 30-х годов советские танковые экипажи носили черные кожаные куртки, из «царских» запасов). Разумеется, в случае войны герой будет громить любого врага с той же легкостью, с какой покорял женские сердца или достигал успехов в боевой и политической подготовке.

Танки «БТ-7» на первомайском параде. Танки «БТ» и «Т-26» составляли основу бронетанковых войск Красной Армии в 1941 году

То, что танки должны будут сыграть решающую роль в будущей войне, понимали и в СССР, и в Германии. Перед Второй мировой войны Германии удалось создать сильные танковые войска и хорошую авиацию. Она уже в 1935 году располагала танковыми дивизиями, а перед Второй мировой войной в целях массирования танков и удобства управления ими создала танковые корпуса. Танковые войска Германии в то время были сильнейшими в Западной Европе.

Подбитые танки «БТ». На переднем плане «БТ-2», на заднем «БТ-5»

Нанесением внезапных ударов танками во взаимодействии с авиацией гитлеровцы добились таких темпов наступления, которые оказались неожиданными для их противников. Эти и другие факторы позволили немецким войскам достичь на Западе крупных успехов, в том числе и завоевать Францию, армия которой недооценивала новейшие средства ведения войны, и в частности танковые войска.

Подбитые танки «КВ-1» и немецкий «Pz-III»

Боевое крещение советские автобронетанковые войска получили в июле – августе 1938 года в вооруженном конфликте у о. Хасан, в котором принимала участие 2-я механизированная бригада. Годом позже у р. Халхин-Гол в Монголии воевали 6-я и 11-я танковые и 7, 8 и 9-я мотоброневоы бригады (всего 498 танков и 385 бронемашин) – их роль в разгроме японских войск стала решающей. В походе на Западную Украину и в Белоруссию в сентябре 1939 года было задействовано 3542 танка. Поскольку польские войска практически не оказывали сопротивления, боевые потери составили всего 42 машины. 429 танков вышли из строя по тех-

ническим причинам. В ходе похода командир 25-го танкового корпуса Иван Осипович Яркин потерял управление соединением. Здесь в полной мере проявилась проблема Красной Армии конца 30-х годов, когда быстрый и слабоконтролируемый ее рост привел к тому, что командирами крупных танковых соединений оказывались не подготовленные для этого люди. Так, например, Яркин прошел путь от командира роты до командира корпуса всего за шесть лет! И если в Польше это не привело к трагедии, то уже в советско-финской войне за кадровые решения танкисты расплатились своей кровью. За период с 30 ноября 1939-го по 13 марта 1940 года Красная Армия потеряла 3179 танков, из них 358 – безвозвратно.

Подбитый «БТ-5» в районе Дубно

Основываясь на результатах прошедших локальных войн, 21 ноября 1939 года Главный Военный совет принял решение о создании вместо танковых корпусов и отдельных танковых бригад в Красной Армии танковых бригад РК, вооруженных танками «БТ» или «Т-26», с последующим перевооружением их танками «Т-34». Предусматривалось сформировать также 15 моторизованных дивизий. К маю 1940 года эту реорганизацию в основном удалось завершить.

Новая структура автобронетанковых войск и их боевой состав полностью соответствовали наличию бронетанковой техники, командных и технических кадров, а также сложившимся взглядам и накопленному опыту в области применения этого рода войск. К сожалению, эта структура просуществовала недолго.

В июне 1940 года Наркомат обороны вновь вернулся к вопросу об организации автобронетанковых войск Красной Армии, рассматривая его с точки зрения опыта действий немецких танковых войск во Франции. В результате было принято решение о формировании механизированных корпусов нового типа, куда входили бы две танковые и одна моторизованная дивизии. Для их укомплектования требовалось свыше 18 тыс. танков различных типов. Эта задача могла быть решена (и то лишь теоретически) не ранее весны 1942 года. Реорганизация 1940 года привела к существенному снижению боеспособности автобронетанковых войск. Одни части и соединения расформировывались, другие создавались вновь. Шла ротация личного состава, передислокация частей. Вместе с тем на этом этапе и техники, и людей было еще достаточно, чтобы укомплектовать новые соединения до штата.

Немецкие солдаты проходят мимо уничтоженной внутренним взрывом «тридцатьчетверки». На заднем плане видны брошенные «Т-34» и «Т-26»

В марте 1941 года по предложению начальника Генерального штаба Г. К. Жукова правительство утвердило план по развертыванию еще 21 механизированного корпуса. По этому плану Красная Армия должна была иметь 61 танковую дивизию (в том числе три отдельные) и 31 моторизованную (в том числе две отдельные). Для обеспечения новых формирований требовалось уже около 32 тыс. танков, в том числе 16,6 тыс. танков «Т-34» и «КВ». Чтобы выпустить необходимое количество боевых машин при существовавшей в 1940–1941 годах мощности танковой промышленности, даже с учетом привлечения новых предприятий, таких, как Сталинградский и Челябинский тракторные заводы, требовалось не менее четырех-пяти лет.

В результате все соединения, имевшиеся в начале 1940 года, расформировали, а их боевая техника и личный состав были направлены на формирование механизированных корпусов. Однако этого было недостаточно. В первом полугодии 1941 года промышленность дала армии 1800 танков, что мало влияло на ситуацию. Укомплектованность корпусов приграничных военных округов всеми типами боевых машин к началу войны составляла в среднем 53 %: автомобилями – 39 %, тракторами – 44 %, ремонтными средствами – 29 %, мотоциклами – 17 %. На 22 июня 1941 года в войсках имелось 23 140 танков всех типов (у Германии – 5694). В западных приграничных военных округах насчитывался 13 981 танк (у Германии, включая ее союзников, вдоль границы СССР было развернуто 3899 танков и штурмовых орудий). Даже с учетом только полностью боеготовых машин, вступивших в бой 22 июня, соотношение составляло как минимум 2:1, при этом средних и тяжелых танков у Красной Армии было больше. Сравнение тактико-технических характеристик советских и немецких танков не оставляет камня на камне от расхожего тезиса о качественном превосходстве германской бронетанковой техники – они были сопоставимы. Значительно хуже дело обстояло с кадрами.

«Т-26» в атаке

Младшие специалисты – командиры танков, механики-водители, командиры орудий, радисты-пулеметчики – готовились в учебных батальонах и школах младшего командного состава. В связи с формированием большого количества новых соединений была создана дополнительная сеть курсов в округах и армиях, однако этого оказалось недостаточно. Положение усугублялось тем, что многие новые танковые части создавались на базе стрелковых и кавалерийских частей и соединений. Была организована массовая переподготовка кадров: пехотинцы, кавалеристы, артиллеристы, связисты становились... механиками-водителями танков, наводчиками и другими специалистами танковых войск. В короткие сроки решить такую задачу было невозможно. В результате новые экипажи к началу войны не успели овладеть техникой, многие механики-водители, например, получили всего лишь 1,5—2-часовую практику вождения танков. Катастрофически не хватало командного состава. Укомплектованность большинства мехкорпусов, сформировавшихся весной 1941 года, по командно-начальствующему составу составляла 22–40 %, а по младшему – от 16 до 50 %. На 1 июня 1941 года в штабах 15, 16, 19-го и 22-го мехкорпусов не были укомплектованы даже такие отделы, как оперативные и разведывательные!

«BT-5»

Начавшаяся 22 июня 1941 г. война оказалась совершенно не такой, как ее показывали на экранах кино. Молодежь, да и люди повзрослее, такие, как инструктор аэроклуба Василий Борисович Емельяненко, встретивший войну в Николаеве, боялись не успеть повоевать: «... вслед за командиром полка на конях ехали два бородача, высоко держа красный стяг. На нем была захватывающая дух надпись: «На Берлин!»... надо успеть за майором Зможных, который уже повел своих конников на Берлин!» В военкоматах выстроились огромные очереди патриотов, стремившихся скорее попасть на фронт бить фашистов. Кто-то из них сразу попадал на передовую, а кто-то в училища, в том числе и танковые.

В это время Красная Армия терпела тяжелые поражения. Первые удары гитлеровцев среди прочих приняли на себя и танкисты. Вспоминает Савкин Михаил Федорович, курсант учебной роты, принявший на своем «Т-34» бой под Радзеховом 23 июня: «Танки пошли на немецкую артиллерию. Немцы вели огонь из крупнокалиберных и зенитных полуавтоматических орудий и минометов. Несколько танков были подбиты. По нашему, как по наковальне в кузнице, грохали снаряды всех калибров, но я никак не могу сквозь смотровую щель обнаружить ни одной пушки. Наконец заметил вспышку выстрела недалеко от нашего сбитого самолета «По-2»; вижу под маскировочной сетью пушку и стреляю осколочным снарядом. Расстояние совсем малое, и на месте пушки встает фонтан земли».

Брошенный «КВ-2» в районе Дубно

Большинство мехкорпусов, по замыслу предназначавшихся для ведения самостоятельных действий, придали общевойсковым армиям, на которые возлагалось прикрытие государственной границы. Основные их силы располагались на широком фронте в 30–40 км от границы, а дивизии в корпусах находились одна от другой на расстоянии 50—100 км и более. Подобная неудачная дислокация не позволяла в короткие сроки собрать основные силы корпусов для нанесения сосредоточенных ударов. Части и соединения вступали в бой разрозненно, часто выполняя противоречивые приказы. Все перечисленные обстоятельства привели к разгрому советских мехкорпусов, развернутых вдоль западной границы. Командование пыталось организовать на разных направлениях контрудары механизированных корпусов и танковых дивизий, но, кроме небольших тактических успехов, эти меры ни к чему не привели. Вспоминает старшина, командир танка «Т-26» Матвеев Семен Васильевич: «...Механизированные корпуса перед войной начали формировать по типу немецких панциркорпусов. Только вот не знаю, был ли у нас хоть один мехкорпус, укомплектованный по штату. Наш даже наполовину не наполнили. Так, кусочки отдельные. В нашем батальоне танков на самом деле рота не набиралась. А машин и тракторов так и вообще не было. Армия – это не один боец и не батальон даже, это громадный организм. У немцев этот организм был и работал (неплохо, замечу, работал), а у нас только начал создаваться. Так что нечего стыдиться, что сильнее нас они тогда были. Здорово сильнее. Потому часто били нас первое время».

С 22 июня по 9 июля 1941 года потери Красной Армии составили 11 712 танков (среднесуточные – 233 танка).

Потеряв практически все танки, находившиеся в западных округах, а с ними и кадровых танкистов, Красная Армия откатывалась вглубь страны. Огромные потери заставили Ставку в июле – августе начать создавать кавалерийские соединения для ведения маневренной войны. В результате этого решения к концу декабря 1941 года Красная Армия имела 82 кавалерийские дивизии, которые в последующем были сведены в кавалерийские корпуса. Именно они составляли основу подвижных соединений, позволивших провести контрнаступление под Москвой.

Немецкий солдат конвоирует захваченных в плен советских бойцов на фоне уничтоженного внутренним взрывом «КВ-1»

В свою очередь танковые войска экстренно переходили от корпусов к более мелким частям – бригадам и батальонам. Нехватка боевых машин и молниеносные прорывы немецкой бронетехники заставляли бросать в бой высококвалифицированные кадры как рядовую пехоту. Однако беспорядок первых месяцев отступления продолжался недолго. Уже в конце июля 1941 г. командование стало выводить «безлошадных» танкистов, потерявших свои танки, в тыл. В августе – сентябре получивший боевой опыт личный состав механизированных корпусов был обращен на формирование танковых бригад. Прославленная танковая бригада М.Е. Катукова комплектовалась из танкистов 15-й танковой дивизии 16-го механизированного корпуса, в последний момент выведенной из-под угрозы окружения под Уманью. По Красной площади 7 ноября 1941 г. ехали танкисты 32-й танковой дивизии, воевавшей в июне под Львовом. А 9 октября 1941 г. для повышения боеспособности танковых войск Сталин отдал приказ о назначении командного состава на тяжелые и средние танки. Согласно этому приказу, на должности командиров средних танков назначались лейтенанты и младшие лейтенанты. Взводами средних танков должны были командовать старшие лейтенанты, а ротами – капитаны. С целью повышения квалификации танковых экипажей 18 ноября 1941 г. было приказано комплектовать их исключительно средним и младшим командным составом. Еще через два месяца последовал приказ Наркома обороны, запрещающий расформирование сколоченных и имеющих боевой опыт танковых частей, потерявших в боях машины. Такие части предписывалось отводить в тыл в полном составе для доукомплектования. Если танковая часть все-таки подлежала расформированию, то старший комсостав направлялся в распоряжение начальника Управления кадров автобронетанковых войск Красной Армии, а экипажи – в запасные танковые полки. Однако зачастую танкистов по-прежнему продолжали использовать не по прямому назначению. В конце декабря 1942 г. последовал окрик Сталина. Предписывалось немедленно всех танкистов, используемых в качестве стрелков, пулеметчиков, артиллеристов в пехоте, других родах войск и тыловых учреждениях, направить в распоряжение автобронетанкового управления РККА. Танкистов, выздоравливающих после излечения в госпиталях, отныне также следо-

вало направлять только в танковые войска. Приказ завершался фразой, исключавшей двойное толкование: «Впредь использование личного состава танкистов всех вышеуказанных категорий и специальностей не по назначению кому бы то ни было категорически запрещаю». Судя по всему, больше к этой теме Верховному Главнокомандующему возвращаться не пришлось. Красная Армия медленно оправлялась после двух проигранных летних кампаний. И хотя танков еще не хватало в войсках, за Уралом еще только разворачивались эвакуированные Харьковский и Ленинградский танковые заводы, армия готовила новые кадры танкистов на замену павшим в бою.

Танк «КВ-2» предположительно из состава 16-го тп 8-й тд на южной окраине г. Немиров 25–28 июня 1941 года. Танк видимых боевых повреждений не имеет. Стрелковое вооружение снято

В начале войны Главному автобронетанковому управлению Красной Армии подчинялись тринадцать танковых, одно танко-техническое, одно автотехническое, три автомотоциклетных, два тракторных, два аэросанных училища. Часть из них по мере приближения противника эвакуировалась и на некоторое время прекратила подготовку, выпустив курсантов старших курсов младшими лейтенантами. Однако, развернувшись на новом месте, они сразу же включались в подготовку новых кадров для бронетанковых войск. Для подготовки членов экипажей были развернуты многочисленные запасные учебные полки и батальоны, а при танковых заводах создали учебные роты. Летом 1942 г. нехватка танкистов стала очевидной – кадровых после года войны осталось очень мало, а молодые, необстрелянные экипажи гибли в первых же боях. В октябре Сталин отдал приказ комплектовать состав танковых училищ рядовыми и сержантами, хорошо показавшими себя в боях, с образованием не менее семи классов средней школы. Ежемесячно в училища было приказано направлять пять тысяч человек. В учебные танковые части для подготовки экипажей ежемесячно направляли восемь тысяч человек. Критерии отбора были следующими: образование не менее трех классов начальной школы, возраст – не старше тридцати пяти лет. Не менее сорока процентов направляемых должны были иметь звания младших сержантов и сержантов. Впоследствии такие приказы отдавались ежегодно, в течение всей войны. Вспоминает Александр Сергеевич Бурцев: «Некоторые ребята с фронта приедут, шесть месяцев отучатся и обратно на фронт, а мы все сидим. Правда, если человек

был на фронте, участвовал в боях, ему было проще освоить программу. Тем более что в танковое училище посылали или наводчика, или механика, или заряжающего. А мы со школьной скамьи. Что мы могли – ничего». Кроме этого танковые училища создавались на основе автомобильных и автотоциклетных училищ. Именно переформировка училищ сыграла свою роль в судьбе командиров танка, младшего лейтенанта Юрия Максовича Поляновского и лейтенанта Александра Михайловича Фадына: «Нам зачитали приказ Верховного Главнокомандующего о переименовании училища во 2-е Горьковское танковое училище. Не прошедшие медкомиссию выпускались автомобилистами. Мы, молодежь, кричим: «Ура!» А те, кто постарше, кто воевал на Халхин-Голе и на Финской, освобождал Западную Украину, Белоруссию, говорят: «Что вы радуетесь? Будете гореть в этих железных коробках».

Сгоревший в атаке на г. Немиров танк «БТ-7М» из состава 1-го взвода 1-й роты 1 батальона 53-го тп 81-й мд. НА МТО танка видны 3 каски СШ-36: танки этого полка имели посадочным десантом стрелковую роту. 24.06.41 года

Вчерашним мальчишкам на собственном опыте пришлось убедиться, что служба в танковых войсках – это тяжелая и кровавая работа, совсем непохожая на их прежние представления. До наших дней дожили в основном ветераны 1921–1924 гг. рождения. Они становились танкистами и проходили обучение в самых разных условиях уже в процессе войны. Каждый из них получил свой собственный опыт и составил свои собственные впечатления о военном быте.

Оставленный при отходе из Львова танк «Т-28» (с поручневой антенной и орудием «КТ-28») из состава 8-й тд 4-го мк. Лычаковская улица, Львов, 30 июня 1941 года

В танковые войска призывники попадали по-разному. «Почему я стал танкистом? ...я себя, как мужчина, видел в будущем воином. Кроме этого мой дядя был военным, и в тридцать девятом году он мне сказал: «Саша, ты заканчиваешь десятилетку. Я тебе советую пойти в училище. Войны не избежать, так лучше быть командиром на войне – больше сможешь сделать, потому что лучше будешь обучен», – вспоминает командир танка лейтенант Александр Васильевич Боднар. Некоторые стремились попасть в другие рода войск, но служили там, где пришлось, например, А.С. Бурцева направили в авиационное училище, но набор там уже был завершен, и призывников переправили в 1-е Саратовское танковое училище. «Я любил военное дело и хотел поступать в морское училище. Это была моя мечта. У них такая форма!» – вспоминает командир батальона капитан Василий Павлович Брюхов, успевший до того, как попасть в танковое училище, пройти подготовку в лыжном батальоне и «отбиться» от отправки в авиатехническое училище. Некоторые будущие танкисты уже обучались в военно-учебных заведениях совсем других родов войск, как Семен Львович Ария, но война нарушила их планы: «Я учился в Новосибирском институте военных инженеров транспорта. После ранения и контузии, полученных при бомбежке эшелона, я попал в батальон, готовивший механиков-водителей». Основная масса призывников шла туда, куда направляли.

Танк «Т-34» из состава 15-го тп 8-й тд 4 мк, оставленный экипажем после атаки на г. Немиров 24.06.41 года. На башенном люке белый треугольник – ЗВО танков 8-й тд в этот период.

Довоенная программа обучения танкистов достаточно сильно отличалась от той, которая предлагалась курсантам военного времени. Кадровый командир-танкист обучался два года. Он изучал все виды танков, состоявших на вооружении РККА. Его учили водить танк, стрелять из его огневых средств и, разумеется, давали знания по тактике танкового боя. Фактически из танкового училища выходил специалист широкого профиля – командир боевой машины, способный выполнять обязанности любого члена экипажа своего танка и обеспечить его техническое обслуживание. По воспоминаниям кадрового танкиста А.В. Бодняря, «практики было достаточно, чтобы владеть танком «БТ». Очень подробно мы изучали материальную часть. Двигатель «М-17» очень сложный, но мы его знали до последнего винтика. Пушку, пулемет – все это разбирали и собирали». Знания и навыки, полученные в училище, позволяли ему без труда овладеть сначала «КВ», а затем и «Т-34».

Два танка «КВ-2» из состава 8-го тд 4 мк, брошенные и подорванные в полосе действий 97-й лпд ГА «Юг». Июнь 1941 года, район северо-западнее Львова. На переднем плане участник еще советско-финской войны 1939–1940 танк «У-3» – четвертая машина в серии «КВ».

Танкисты, призванные в армию в ходе войны, не имели много времени на подготовку. Войска требовали постоянного пополнения. Поэтому курс обучения сократили до шести месяцев, а программу урезали до минимума: «Училище я закончил, три снаряда стрельнул и диск пулеметный... Было какое-то вождение, азы – трогаться, по прямой водить», – вспоминает В.П. Брюхов. В 1-м Саратовском танковом училище, которое закончили А.С. Бурцев и Н.Я. Железнов, дела обстояли лучше – курсанты обучались сначала на английских танках «матильда» и канадских «валентайнах», а затем на «Т-34». Оба они утверждают, что практики было достаточно. Командир танка лейтенант Николай Евдокимович Глухов, который, как и младший лейтенант Арсентий Константинович Родькин и А.В. Боднарь, обучался в Ульяновском танковом училище, отмечает, что курсанты сразу обучались на современной технике и обучение было качественным: «Нам все пригодилось в боях. И знание оружия, и знание техники: двигателя, пушки, пулемета». Бытовые условия в училищах также различались. В соответствии с приказом НКО СССР № 312 от 22.09.41 для курсантов всех военных училищ сухопутных и воздушных сил Красной Армии вводилась 9-я норма питания, по своей калорийности близкая к фронтовой. Однако, если учившийся в эвакуированном в Черчик 1-м Харьковском танковом училище командир танка лейтенант Георгий Николаевич Кривов говорит, что «кормили хорошо. Каша с мясом, сливочное масло на завтрак», то учившийся в одно время с ним в эвакуированном Сталинградском училище В.П. Брюхов вспоминает, что их кормили так плохо, что «даже заключенных так не кормят». По-видимому, далеко не всегда была возможность выполнить упомянутый приказ.

Оставленный в парке танк «КВ-1» первых серий: орудие «Л-11», pistolный порт вместо курсового пулемета у стрелка-радиста. Львов, июнь 1941 года

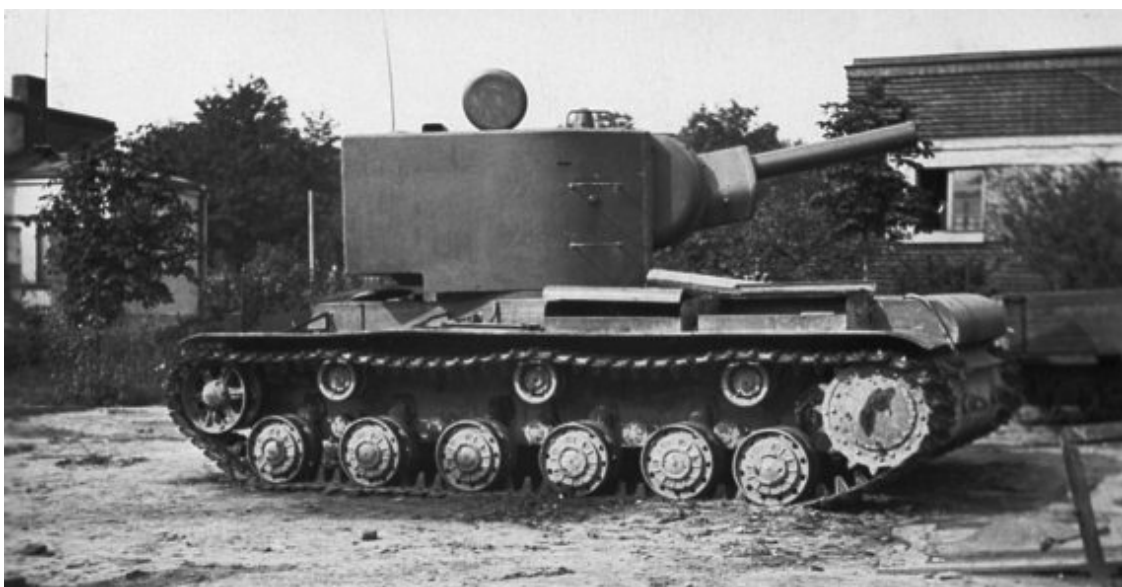
По окончании обучения выпускники сдавали экзамены приемной комиссии. По результатам этих экзаменов до 1943 г. присваивалось звание «лейтенант» – сдавшим экзамены на «хорошо» и «отлично» или «младший лейтенант» – сдавшим экзамены на «удовлетворительно». С лета 1943 г. всем выпускникам стали присваивать звания «младший лейтенант». Кроме этого комиссия проводила аттестацию, по результатам которой выпускника могли назначить командиром взвода или командиром линейного танка.

Разгромленная в результате авиаударов колонна советских частей на дороге Львов – Золочев в р-не с. Ясеновцы. На фото 152-мм гаубица «М-10», танк «КВ-2», трактора, цистерна на базе грузовика ЗИС. Вероятнее всего, гаубица и танк – из состава 8-й тд – именно ее части (8-й гап и 16-й тп) отходили по этому маршруту 30.06.–1.07.41 года. Танк «КВ-2» не был оставлен экипажем, вел огонь по колоннам немцев, уничтожил артиллерийский передок. Был взорван

Новоиспеченные командиры маршевыми подразделениями отправлялись на танковые заводы, где их уже ждали подготовленные в учебных батальонах учебных полков члены экипажа.

Оставленный вне территории армейской базы БТВ № 865, г. Львов танк «КВ-2» из состава 8-й тд 4-го мк. На территории базы был организован СПАМ, но из-за неподачи жд состава танки эвакуированы не были. Конец июня 1941 года

Их подготовка длилась от трех месяцев для механиков-водителей до одного месяца для радистов и заряжающих. Вспоминает механик-водитель сержант С.Л. Ария: «Нас обучали вождению, связи с командиром, устройству, обслуживанию двигателя. Заставляли преодолевать препятствия, менять трак (это была очень тяжелая операция – ремонт гусеницы). В эти два или три месяца, что длилось обучение, мы участвовали и в сборке танков на главном конвейере завода». Попавший в батальон, готовивший стрелков-радистов, Петр Ильич Кириченко говорит: «После авиационных радиостанций и скорострельных пулеметов, которые я изучал в школе стрелков-бомбардиров, изучение танковой радиостанции и пулемета «ДТ» было пустяком». Действительно, через месяц обучения в звании старший сержант он уже ехал на фронт в составе экипажа. Надо сказать, что участие членов экипажа в сборке танков было очень распространенным явлением. Практически все опрошенные ветераны в период нахождения на заводе помогали рабочим в сборке танков. Связано это прежде всего с нехваткой рабочих рук на самих заводах, а так же с возможностью для молодых командиров получить талон на бесплатный обед.

Танк «Т-34» из состава 15-го тп 8-й тд 4-го мк (заводской № 563-74), сгоревший в результате боя с частями 97-й лнд в районе м. Магеров 25.06.41 года. Танк уничтожил ПТО ПАК-38 (раздавил) вместе с тягачом (сжег).

Если «зеленые» лейтенанты довольствовались тем экипажем, который им предоставило начальство, то командиры постарше с фронтовым опытом старались подобрать себе в экипаж таких же, как и они, опытных танкистов, Вспоминает Г.Н. Кривов: «Некоторые офицеры, которые были немножко постарше, подбирали себе экипажи, но мы этого не делали». Забегая вперед, следует отметить, что на фронте ситуация была примерно такой же. «Командир танка, командир взвода не может подбирать себе экипаж. Командир роты уже может, а командир батальона всегда подбирает из тех, с кем раньше воевал», – вспоминает В.П. Брюхов. Характерным тому примером может служить экипаж танка командира батальона, в котором все его члены были отмечены правительственными наградами и которым пришлось командовать А.М. Фадину: «Экипаж жил отдельно и не яхшался с другими тридцатью экипажами».

Танк «КВ-1» с орудием «Л-11» из состава 12-й тд 8-го мк ЮЗФ (предположительно 23-й тп) после боя в г. Николаеве, Львовская область, с частями 100-й лнд. Этот танк вместе с танком «КВ-2» блокировали центральную площадь и на 3 часа задержали продвижение противника. Башня танка заклинена, ствол пробит. Экипаж вел ближний бой вне танка, в котором погиб. 1 июля 1941 года

Некоторое время перед отправкой уходило на «притирание» членов экипажа друг к другу и на «сколачивание» боевых подразделений. Собранные на заводе танки проходили пятидесятикилометровый марш, на полигоне проводились учебные стрельбы и тактические занятия. Для экипажа А.М. Фаина сколачивание закончилось следующим образом: «Мы получили на заводе новехонькие танки. Маршем прошли на них на наш полигон. Быстро развернулись в боевой порядок и осуществили атаку с ходу с боевой стрельбой. В районе сбора привели себя в порядок и, вытянувшись в походную колонну, начали движение к железнодорожному вокзалу на погрузку для следования на фронт. А экипаж В.П. Брюхова перед отправкой сделал всего три выстрела из пушки и расстрелял один пулеметный диск. Но бывало и так: «Нам говорили: «Вот ваш танк. Его соберут у вас на глазах». Ничего подобного. Наш танк не успели собрать, а уже был готов эшелон. Заполнили формуляры, получили часы, ножик перочинный, платочек шелковый для фильтрации горючего и поехали на фронт», – рассказывает Г.Н. Кривов.

Танк «Т-34» с орудием «Ф-34» из состава 32-й тд 4-го мк, подбитый в бою в р-не с. Язув Стары (60 км западнее Львова) 25–26 июня 1941 года с частями 1-го гнд, 68-й пд и 257-й пд ГА «Юг». На башенном люке контурный треугольник – ЗВО 32-й тд на это время

В тяжелой для Советского Союза второй половине 1941 года отечественная промышленность выпустила 4742 танка (Германия за весь 1941 год – 3725 танков и штурмовых орудий). На 1 января 1942 года на советско-германском фронте соотношение танков составляло 1588:840 (1,9:1) в нашу пользу. Никогда за все время Великой Отечественной войны немцы не имели превосходства над Красной Армией в танках в целом.

Опыт ведения боевых действий зимой 1941/1942 года подтвердил правильность разработанной в СССР в конце 1920-х годов теории глубокой наступательной операции. Практика войны показала, что отсутствие в составе фронтов и армий крупных танковых соединений не позволяло в полном объеме решать такую важную задачу наступления, как развитие тактического успеха в оперативный.

Поэтому с марта 1942 года начали формирование первых четырех танковых корпусов, которые имели в своем составе управление корпуса – вначале две, а вскоре три танковые и мотострелковую бригады. Первый опыт боевого применения таких корпусов весной 1942 года на Воронежском и других направлениях показал, что новые соединения не обладали необходимой оперативно-тактической самостоятельностью при ведении боевых действий, что отрицательно сказывалось на их результатах. Параллельно с развертыванием танковых корпусов в мае 1942 года начали создаваться танковые армии. Их штатная структура также была признана неудачной. Весь 1942-й и начало 1943 года были посвящены поискам оптимальной структуры танковых соединений, сочетавших огневую мощь и ударную силу с отличной управляемостью, подвижностью и самостоятельностью при ведении боевых действий.

Не выведенные из парка, вероятно, по техническому состоянию «Т-34» и «БТ-5». Предположительно приписывались к 5-й тд

В конце января 1943 года состоялось специальное заседание ГКО, посвященное выработке положений о формировании танковых армий. Из танковых армий изъяли немоторизованные стрелковые дивизии, организационно выделили танковое ядро. Таким образом, танковые армии должны были иметь в своем составе, как правило, два танковых и один механизированный корпуса, зенитно-артиллерийскую дивизию, гвардейский минометный, гаубичный артиллерийский, истребительно-противотанковый и мотоциклетный полки.

Сгоревший танк «Т-40». Район неизвестен. С пулемета ДШК скручен дульный тормоз (виден на корме за башиной)

В начале 1944 года было принято решение ввести в состав танковых армий самоходно-артиллерийские и легкие артиллерийские бригады. К концу сентября 1944 года все шесть танковых армий уже имели эти бригады. Однако для успешного проведения операций танковые армии усиливались артиллерийскими и истребительно-противотанковыми бригадами и полками.

Взорванный при отходе «Т-28» (неэкранированный, с орудием «КТ-28») из состава 10-й тд (вероятнее всего) на улице г. Золочев, 1–2 июля 1941 года

В конце войны танковая армия трехкорпусного состава, как правило, имела свыше 50 тыс. человек, 850–920 танков и САУ, около 800 орудий и минометов, более 5 тыс. автомобилей. Однако в подавляющем большинстве наступательных операций танковые армии не имели полного комплекта людей, вооружения и боевой техники.

В 1943 году стратегическая инициатива еще оставалась в руках немцев. Но, как позднее писал генерал-фельдмаршал Манштейн: «Советское командование многому научилось с начала войны, особенно в отношении организации и использования крупных танковых соединений. Большое количество танков оно имело и в 1941 году, но тогда оно не могло использовать их самостоятельно и в то же время в единых формированиях. Теперь же оно целесообразно организовало их в танковые и механизированные корпуса и одновременно приняло немецкую тактику глубокого прорыва».

Подбитый радиальный танк «Т-34». Любопытны два попадания в носовую балку. Район неизвестен

Тем не менее, 1943 год был для советских бронетанковых войск все еще периодом учебы. Однако другим козырем советских танкистов было то, что средний танк «Т-34», выпускавшийся с 1940 года, к этому периоду войны уже стал основной боевой единицей бронетанковых войск Красной Армии.

Этот танк был мощным, хорошо вооруженным, маневренным и отвечал всем требованиям времени. Благодаря своим боевым качествам «Т-34» признается большинством специалистов лучшим танком Второй мировой войны.

Впрочем, для эффективных действий боевой машины гораздо важнее не мнение специалистов, а вера ее экипажа в доверенную ему технику. В этом случае человек действует смелее и решительнее, прокладывая себе путь к победе. И наоборот, недоверие, готовность бросить мысленно или реально слабый образец вооружения приведет к поражению.

Советские танкисты по-настоящему верили в «Т-34». И это не было слепой верой, основанной на пропаганде. Уверенность в людей вселяли особенности конструкции, разительно выделявшие «Т-34» из ряда боевых машин того времени: наклонное расположение листов брони и дизельный двигатель «В-2».

Принцип увеличения эффективности защиты танка вследствие наклонного расположения листов брони был понятен любому, изучавшему в школе геометрию.

Танк «Т-35» 67-го танкового полка 34-й танковой дивизии, заводской № 744-62. Стоит на улице Львовской по направлению на Львов. За дорожными знаками в кювете виден броневый автомобиль БА-20. г. Гродек Ягельонски, Западная Украина, июнь 1941 года

«В «Т-34» броня была тоньше, чем у «пантер» и «тигров». Общая толщина примерно 45 мм. Но поскольку она располагалась под углом, то катет составлял примерно 90 мм, что затрудняло ее пробитие», – вспоминает командир танка лейтенант Александр Бурцев.

Трофейная площадка немецких частей в г. Яворов после боев 24–26 июня с частями 6-го ск и 4-го мк. На площадке представлена вся гамма стрелково-артиллерийского вооружения частей РККА, а также танки «Т-34»: слева – танк с орудием «Л-11» из состава 3-го батальона 16-го тп 8-й тд, справа – «Т-34» с орудием «Ф-34» из состава 32-й тд. Обе – 4-го мк.

Использование в системе защиты геометрических построений вместо наращивания толщины бронелистов давало в глазах экипажей «тридцатьчетверок» неоспоримое преимущество их танку над противником. Тем более что это подтверждалось и практикой боев.

Немецкие противотанковые и танковые орудия калибром до 50 мм в большинстве случаев не пробивали верхнюю лобовую деталь танка «Т-34». Конечно, с появлением у немцев большого числа 75-мм противотанковых и танковых пушек ситуация усложнилась. Их снаряды пробивали лобовую корпуса «Т-34» уже на дальности 1200 м. Столь же малочувствительны к наклону брони были 88-мм снаряды зенитных пушек и кумулятивные боеприпасы. Однако доля 50-мм орудий в вермахте вплоть до сражения на Курской дуге была существенной, и вера в наклонную броню «тридцатьчетверки» была во многом оправданной.

Еще более очевидной и внушающей уверенность деталью конструкции «Т-34» был дизельный двигатель. Танкисты хорошо знали, что бензин загорается даже от спички, а вот если зажженный факел опустить в ведро с дизельным топливом – пламя гасло, как в воде.

Именно поэтому почти все советские ветераны Великой Отечественной, служившие в танковых войсках, называют машины с бензиновым двигателем «зажигалками». А вот наличие в моторном отделении танка «Т-34» дизельного двигателя вселяло в экипажи уверенность в том, что шансов принять страшную смерть от огня у них куда меньше, чем у противника, танки которого заправлены сотнями литров бензина.

В действительности прямая проекция опытов с ведром на танки была не совсем обоснованной. Статистически танки с дизельными двигателями не имели преимуществ в пожаробезопасности по отношению к машинам с карбюраторными моторами. Попадание снаряда было куда более мощным средством воспламенения, чем обычный факел, и дизельное топливо при этом загоралось точно так же, как и бензин.

Сгоревший броневедомитель «БА-10» на дороге перед г. Львов в районе Голоско (Holosko), 29–30 июня 1941 года

Но психологический настрой бойцов был куда важнее реальной пожаробезопасности «Т-34». И советские танкисты шли в бой с гордостью за доверенную им технику, а это уже половина победы!

Танк «БТ-7» (с зенитной установкой «П-40» и фарами боевого света) из состава (вероятнее всего) 1-й тд в г. Псков на улице Лиона Поземского

Часто бывало, что по прибытии в действующую армию сколоченные экипажи распались еще до того, как попадали в первый бой. В частях, куда прибывало пополнение, сохранялся костяк опытных танкистов. Они заменяли на прибывших танках «зеленых» командиров и механиков-водителей, которых могли направить в резерв батальона или обратно на завод за танком, как это произошло с Ю.М. Поляновским. А.М. Фадин, аттестованный на командира танкового взвода, не потерял свой экипаж, но по прибытии на фронт стал командиром линейного танка.

Все опрошенные танкисты подтверждают тот факт, что «экипаж машины боевой» на фронте не являлся стабильной структурой. С одной стороны, высокие потери среди личного состава и техники, особенно в наступлении, приводили к быстрой смене членов экипажа, с другой – вышестоящее начальство не сильно заботилось о сохранении экипажа как боевой единицы. Даже у весьма удачливого В.П. Брюхова за два года войны сменилось не менее десяти экипажей. Вероятно, поэтому особой дружбы между танкистами не возникало. Хотя товарищеские отношения, конечно, были: «В танке у всех одинаковая задача – выжить и уничтожить противника. Поэтому очень важна сплоченность экипажа. Необходимо, чтобы наводчик стрелял метко и быстро, заряжающий быстро заряжал, а механик-водитель маневрировал на поле боя. Такая слаженность экипажа всегда приводит к положительным результатам», – утверждает А.С. Бурцев. Бывали и исключения, например экипаж командира роты, старшего лейтенанта Аркадия Васильевича Марьевского, прошедший вместе со своим командиром всю войну.

Оставленные в районе г. Ровно (Западная Украина) танки «БТ-2» (пулеметный) и «БТ-5». Танки прошли модернизацию, снабжены бревнами самовытаскивания («БТ-2») и допбаками для горючего («БТ-5»).

Возвращаясь к вопросу об исполнении приказа НКО о комплектации танков младшим и средним командным составом, трудно сказать, существовала ли какая-то система в присвоении членам экипажа воинских званий. Командир танка, как правило, имел звание «лейтенант» или «младший лейтенант». В экипаже А.М. Фадина механик-водитель имел звание старшего сержанта, а башнер и радист – младших сержантов. Стрелку-радисту старшему сержанту П.И. Кириченко при выпуске из учебного полка присвоили звание старшего сержанта. В принципе, у любого члена экипажа были шансы «выслужиться» до офицерских чинов и стать командиром танка или даже занимать более высокую должность. Так произошло, например, с П.И. Кириченко, который к концу войны, отучившись в училище, стал старшим техником, командиром ремонтной летучки. Достаточно распространенной была практика, при которой наиболее опытных танкистов, особенно механиков-водителей, переподготавливали на должность командиров танков и присваивали им звание лейтенанта или младшего лейтенанта. Впрочем, особенно в начале войны бывало, танком командовали сержанты или старшины, как, например, А.В. Марьевский. Четкая система соответствия звания штатной должности в Красной Армии существовала только на бумаге в отличие от армии США или вермахта.

Немецкий офицер осматривает местность с захваченной бронемашины «БА-10»

Прибыв на фронт, все танкисты, невзирая на чины, включались в работу по обслуживанию танка. «Танк мы сами обслуживали – заправляли, боеприпасы загружали, ремонтировали. Я, когда командиром батальона стал, все равно работал вместе с членами своего экипажа», – вспоминает В.П. Брюхов. Ему вторит А.К. Родькин: «Мы не считались, командир не командир, офицер не офицер. В бою – да, я командир, а гусеницу тянуть или пушку чистить – я такой же член экипажа, как и все. А стоять и покуривать, когда другие работают, я считал, просто неприлично. Да и другие командиры тоже». Однообразная работа по заправке топливом, маслом и погрузке боекомплекта на какое-то время уравнивала всех членов экипажа. Таким же однообразным и равномерно ложившимся на плечи танкистов делом было окапывание танка. Вспоминает А.М. Фадин: «За одну ночь мы, попарно сменяя друг друга, двумя лопатами вырыли окоп, выбросив до 30 кубометров грунта!»

Немецкие солдаты осматривают подбитый танк «Т-34»

Совместный труд и ощущение взаимозависимости на поле боя исключали проявление какой-либо дедовщины в современном понимании этого слова. Вспоминает П.И. Кириченко: «Механик-водитель, который был старше нас, даже старше командира машины, был для нас как бы «дядькой» и пользовался непререкаемым авторитетом, поскольку уже служил в армии, знал все ее мудрости и хитрости. Он нас опекал. Не гонял, как салаг, заставляя работать, наоборот, старался нам во всем помочь». Вообще роль старших и более опытных товарищей на фронте была очень велика. Кто как не они подскажет, что надо снять пружины с защелок люков, чтобы можно было выскочить из горящего танка, даже если ты ранен, кто как не они посоветует подчистить фишку ТПУ¹, чтобы она легко выскакивала из гнезда, когда нужно быстро покинуть танк, кто как не они поможет справиться с волнением перед атакой.

¹ Танкового переговорного устройства.

Подбитый «Т-28»

Интересно, но, видимо, в силу своей тогдашней молодости опрошенные ветераны говорят, что страха смерти не испытывали. «Там об этом не думаешь. В душе, конечно, темно, но не боязнь, а скорее волнение. Как только сел в танк, тут все забываешь», – вспоминает А.М. Фадин. Его поддерживает А.С. Бурцев: «На фронте угнетающего страха я не испытывал. Боязно было, но страха не было», а Г.Н. Кривов добавляет: «Я не хотел смерти и не думал о ней, но я видел в эшелоне, шедшем на фронт, многих, кто переживал и страдал – они первыми погибали». В бою, по словам практически всех ветеранов, происходило как бы отключение сознания, которое каждый из выживших танкистов описывает по-разному. «Ты уже не человек и по-человечески ни рассуждать, ни мыслить уже не можешь. Может быть, это-то и спасало...» – вспоминает Н.Я. Железнов. П.В. Брюхов говорит: «Когда подбьют, выскочишь из горящего танка, тут немножко страшно. А в танке некогда бояться – ты занят делом». Очень интересно описание, данное Г.Н. Кривовым, того, как танкисты подавляли страх перед боем: «В последних боях я командовал танком ротного. Ребята его были. Один молчаливый, ни слова не скажет, второй жрать хочет. Нашли пасеку, вот он хлеб с медом наворачивает. У меня про-

сто нервное возбуждение – на месте не сидится. Ротный сопит, шмыгает». Конечно, были и другие страхи, кроме страха смерти. Боялись быть искалеченными, ранеными. Боялись пропасть без вести и попасть в плен.

Загрузка снарядов в танк «КВ-1»

Далеко не всем удавалось справиться со страхом. Некоторые ветераны описывают случаи самовольного покидания экипажем танка еще до его подбития: «Это стало встречаться под конец войны. Допустим, идет бой. Экипаж выскочит, а танк пускает под горку, он идет вниз, там его подбивают. С наблюдательных пунктов это видно. Меры принимались, конечно, к этим экипажам», – вспоминает Анатолий Павлович Швебиг, бывший заместителем командира бригады по технической части в 12-м гвардейском танковом корпусе. Об этом же говорит и Евгений Иванович Бессонов, столкнувшийся с этим явлением в Орловской наступательной операции: «Танки были подбиты, и подбиты по вине экипажей, которые покинули танки заранее, а танки продолжали движение на противника без них». Однако нельзя сказать, что это было широко распространено, поскольку остальные ветераны не сталкивались с подобными случаями. Очень редко, но встречались случаи специального выведения танка из строя. Один из таких примеров можно найти в воспоминаниях В.П. Брюхова. Мог механик-водитель подставить противоположный от него борт под огонь немецких орудий. Однако если таких «умельцев» выявлял Смерш, то незамедлительно следовало жестокое наказание: «Между Витебском и Полоцком у нас расстреляли троих механиков-водителей. Подставили бортом машины, но Смерш не обманешь», – вспоминает В.А. Марьевский.

Танковый десант занимает места на танке «КВ-1»

Интересно, что многие ветераны сталкивались с фактами предчувствия людьми своей близкой смерти: «Танк моего товарища Шульгина разнесло прямым попаданием тяжелого снаряда, видимо выпущенного из морского орудия. Он был постарше нас и предчувствовал свою гибель. Обычно он был веселым, острил, а за два дня до этого в себя ушел. Не разговаривал ни с кем. Отключился». С подобными случаями встречались и П.И. Кириченко, и Н.Е. Глухов, а С.Л. Ария вспоминает сослуживца, который, предчувствуя грозящую опасность, несколько раз спасал его от смерти. В то же время следует отметить, что среди опрошенных не было суеверных людей, веривших в приметы. Вот как описывает ситуацию на фронте В.П. Брюхов: «Некоторые за несколько дней перед боем не брились. Некоторые считали, что нужно обязательно сменить белье, а некоторые наоборот – не переодеваться. В этом комбинезоне он цел остался, он его и хранит. А как эти приметы появлялись? Молодое пополнение приходит, в два-три боя сходили – половины нет. Приметы им не нужны. А кто выжил, он что-то запомнил: «Ага, я вот оделся. Не побрился, как обычно», – и начинает эту примету культивировать. Ну а уж если второй раз подтвердилось – все – это уже вера».

Танки «Т-28» перед атакой. Карельский перешеек, февраль 1940 года

На вопрос о вере в Бога ветераны отвечали по-разному. Для молодежи того времени характерен был атеизм и вера в собственные силы, знания, умения и навыки. «Я верил, что меня не убьют», – так выразились большинство опрошенных ветеранов. Тем не менее «у некоторых были крестики, но тогда это было не модно и их старались прятать даже те, кто имел. Мы же были атеисты. Были и верующие, но сколько у меня было людей, чтобы кто-то молился, – не помню», – вспоминает В.П. Брюхов. Из опрошенных танкистов только А.М. Фадин подтвердил, что во время войны верил в Бога: «На фронте нельзя было открыто молиться. Я не молился, но в душе веру держал». Вероятно, многие солдаты, попадавшие в тяжелейшие ситуации, приходили к вере в Бога.

Экипаж танка «Т-28» у своей боевой машины. Ленинградский фронт. Зима 1942 года

Когда в наушниках танкошлёмов (именно так их называли танкисты) звучал сигнал к атаке, то все страхи и предчувствия уходили на второй план, заслоняемые двумя главными желаниями – выжить и победить. Именно на их выполнение в бою направлена работа всего экипажа, у каждого члена которого есть свои обязанности и сектор ответственности: «Наводчик все время должен держать пушку по ходу танка, наблюдать в прицел, докладывать, что он видит. Заряжающий должен смотреть вперед и направо и сообщать экипажу, стрелок-радист смотрит вперед и вправо. Механик следит за дорогой, чтобы предупредить наводчика о впадинах, не зацепить пушкой землю. Командир в основном концентрирует внимание налево и вперед», – рассказывает А.С. Бурцев.

Митинг в танковой части. Весной 1942 года стандартным вооружением танковых бригад были танки «КВ-1», «Т-34» и «Т-60»

Очень много зависело от искусства двух человек: механика-водителя и командира орудия или впоследствии наводчика. В.П. Брюхов вспоминает: «Очень большое значение имеет опыт механика. Если механик опытный, ему не нужно подсказывать. Он сам тебе условия создаст, на площадку выйдет, чтобы ты мог поразить цель, сам за укрытие спрячется. Некоторые механики даже так говорили: «Я никогда не погибну, потому что я поставлю танк так, чтобы болванка ударила не там, где я сижу». Я им верю». Г.Н. Кривов вообще считает, что выжил в первых боях только благодаря искусству опытного механика-водителя.

Разведчики 1-й мотострелковой дивизии, вооруженные «ППШ», «ППД» и карабином, на танке «Т-40». Декабрь 1941 года

А.В. Марьевский в отличие от остальных ветеранов ставит наводчика на второе место по значимости, после командира танка: «Командир орудия важнее. Он мог остаться и за командира танка, и за командира взвода. Командир орудия – это единица!» Тут следует отметить, что ветеран – единственный из опрошенных – утверждает, что, даже став командиром роты, а потом и батальона, он всегда сам садился за рычаги: «Если снаряд попал в башню, конечно, и командир орудия, и заряжающий гибнут. Я потому и садился на место механика-водителя. Я еще когда механиком-водителем на «Т-60», «Т-70» воевал, я понял, в чем суть дела, как живым остаться».

«Т-60» движется к фронту. Зима 1941 год

К сожалению, в среднем огневая подготовка танкистов была слабая. «Наши танкисты стреляли очень плохо», – заявляет Евгений Иванович Бессонов, командир взвода танкового десанта 49-й механизированной бригады 6-го Гвардейского мехкорпуса 4-й Гвардейской танковой армии. Такие снайперы, как Н.Я. Железнов, А.М. Фадин, В.П. Брюхов, скорее являлись исключением, чем правилом.

Танк «БТ-7» на марше

Работа заряжающего в бою была простой, но очень напряженной: ему нужно было толкнуть требуемый снаряд в казенник пушки и выбросить гильзу через люк после ее экстактирования. По утверждению В.П. Брюхова, заряжающим мог быть любой физически крепкий автоматчик – объяснить молодому человеку отличие в маркировке бронебойного и осколочно-фугасного снаряда не составляло труда. Однако напряжение боя бывало иногда таким, что заряжающие падали в обморок, надышавшись пороховых газов. Кроме того, у них почти всегда были обожжены ладони, поскольку выбрасывать гильзы требовалось сразу после выстрела, чтобы они не дымили в боевом отделении.

Постановка задачи на фоне танка «Т-40»

Командир роты старший лейтенант Гнаденберг ставит задачу перед экипажем своего «КВ-1»

Командир роты старший лейтенант Гнаденберг с экипажем у своего «КВ-1»

Во многом «пассажиром» чувствовал себя во время боя стрелок-радист. «Обзор ограниченный, а сектор обстрела из этого пулемета был еще меньше», – вспоминает П.И. Кириченко. «У стрелка был лобовой пулемет, хотя через него ничего не было видно, он если стрелял, то

только по указанию командира танка», – говорит Железнов. А Ю.М. Поляновский вспоминает такой случай: «Между собой договорились о том, что, еще не пройдя свою пехоту, начнем стрелять из пушки и башенного пулемета через голову пехоты, а лобовой пулемет нельзя использовать, потому что он бьет по своим. И вот мы начали стрелять, а радист в суматохе забыл, что я его предупреждал. Дал очередь практически по своим».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.